

Е. Н. Проскурина, А. Б. Борисова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Танатология ранней прозы А. Платонова

Работа посвящена выявлению и анализу смертельного сюжетно-мотивного комплекса в ранней прозе А. Платонова. Высокая частотность «смертельных» ситуаций в произведениях писателя отмечена многими исследователями. Однако практически все работы по проблеме обращены к его творчеству второй половины 1920-х – 1930-х гг., где уже оформилось тематическое пространство смерти, определилась символика во многом повторяющихся сюжетных ситуаций (смерти ребенка, уничтожения классового врага), мотивов (сиротства; строительной жертвы; духовной смерти-воскресения; апокалипсиса), образов (дома-могилы, «ветхого» мира / вещества) и др. Из круга исследовательского внимания практически выпадает анализ ранней платоновской прозы под углом проблемы смерти. Однако она представляет не меньший научный интерес – как в отношении преемственности, так и в плане отличия, и тематического, и смыслового. В данной работе мы попытаемся показать те истоки, из которых прорастает танатология Платонова, и одновременно обозначить разницу между восприятием смерти творческим сознанием писателя в ранний и зрелый периоды.

Ключевые слова: ранняя проза А. Платонова, мотив, сюжетика смерти, тезаурус смерти.

Высокая частотность смертельных ситуаций в прозе Платонова отмечена во многих исследованиях. Однако практически все они обращены к творчеству писателя второй половины 1920-х – 1930-х гг. (см.: [Касаткина, 1995; Пастушенко, 1995; Кулагина, 2000; Проскурина, 2005; Проскурина, 2006; Ларокка, 2011; Ведрухин, 2013, с. 181–193] и др.), где уже оформилось тематическое пространство смерти, определилась символика во многом повторяющихся сюжетных ситуаций (*смерти ребенка; уничтожения классового врага*), мотивов (*сиротства; строительной жертвы; духовной смерти-воскресения; апокалипсиса*), образов (*дома-могилы, «ветхого» мира / вещества*) и др. Это дает основание увидеть за поэтикой смерти отношение Платонова к жизни¹, а также его меняющуюся позицию в восприятии революции и советской реальности.

---

¹ «Отношением к смерти, – писал П. Биццели, – ...как всеобщему, непреложному и неизбежному в жизни, определяется у каждого отношение к жизни. У художника, следовательно, им определяется все его творчество» [1928, с. 278].

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; motiv_ifl@ngs.ru)

Борисова Алиса Борисовна – аспирантка сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; motiv_ifl@ngs.ru)

Из круга исследовательского внимания практически выпадает анализ ранней платоновской прозы в аспекте проблемы смерти. Однако она представляет не меньший научный интерес – как в отношении преемственности, так и в плане отличия – и тематического, и смыслового. В данной работе мы попытаемся показать те истоки, из которых прорастает танатология Платонова, и одновременно обозначить разницу между восприятием смерти творческим сознанием писателя в ранний и зрелый периоды. Мы обращаемся к корпусу произведений ранней прозы Платонова, опубликованному в первом томе научного издания его сочинений [Платонов, 2004]. В тезаурусном разделе статьи, группируя и описывая танатологический сюжетно-мотивный корпус ранней платоновских произведений, мы выделим основные гнезда, внутри которых попытаемся дифференцировать группы мотивов и более мелкие единства оценочно-уточняющего характера. Продуктивность такой систематизации подтверждена опытом исследовательской работы при составлении выпусков «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» [Словарь-указатель..., 2003; Капинос, Проскурина, 2006], а также при изучении танатологии И. А. Бунина и Г. Газданова [Капинос, 2012; Проскурина, 2013]. Мы выделяем отдельные рубрики, несмотря на их малую наполненность, как свидетельство еще формирующегося тезауруса смерти в раннем творчестве Платонова.

Наиболее частотной в тезаурусе смерти раннего Платонова оказалась мотивная группа, связанная с апокалиптическим сюжетом. В нее входят мотивы *предчувствия апокалипсиса*, *ожидания апокалипсиса*, *свершившегося апокалипсиса*. В последнем случае под апокалипсисом понимается природный катаклизм как общего, так и местного масштаба. В этой же группе оказывается и сюжет «восстания на вселенную», за которым скрыта жажда платоновского героя апокалиптической катастрофы, результатом чего, по его мнению, должно стать рождение нового, совершенного мира и человека. Во многом эти ожидания подогревались реальной исторической ситуацией в России начала XX в., с ее предчувствием революционных перемен, которые должны привести к «переходу Мироздания на качественно новую ступень, обеспечивающую человеку более высокое положение в мире» [Баршт, 2000, с. 254]. «Масса, новое вселенское существо, родилась. Она копит в труде свою ненависть, чтобы разбрызгать ею звезды и освободиться», – писал Платонов в 1920-м г. в лирическом эссе «В звездной пустыне» (1921) [Платонов, 2004, т. 1, кн. 1, с. 178]². Другими словами, апокалипсис у раннего Платонова связан не столько со смертью как таковой, сколько с возможностью нового проявления жизни: смерть становится кануном мгновенного воскресения, что вызывает у платоновских героев *восторг смерти* в значении последней схватки с «ветхим» миром. Из этого правила, однако, есть одно исключение: мотив *апокалипсиса в раю*, обнаруженный в «Рассказе о многих интересных вещах» (1923), знаменующий сомнения Платонова в возможности идеального мироустройства во всей вселенной со множеством ее миров. Вполне вероятно, в данном эпизоде рассказа обыгрывается пушкинское «...нет правды на земле, // Но правды нет – и выше» [Пушкин, 1978, с. 306], что вносит в семантику финала призыв сальеризма. Подобные схожие сюжетные ситуации, смыслы которых, однако, направлены в разные стороны, в перспективе творчества Платонова становятся «фирменным знаком» его прозы, актуализирующим идею многосмысленности жизненных явлений, принципиальной неразгаданности тайны бытия.

Одним из семантических модусов сюжетной ситуации апокалипсиса – «восстания на вселенную», выступает испытываемая героем Платонова *жажда бессмертия*, проявленная в двух вариантах: результат рукотворного исправления

---

² Далее ссылки на это издания делаются в круглых скобках с указанием номера книги и страниц.

несовершенного мира либо итог научного эксперимента. С жаждой бессмертия связана *вера в бессмертие* у платоновских героев, хотя она больше принадлежит не героям-«демиургам», таким как Вогулов в «Сатане мысли», а наивным героям – тем, кто в зрелом творчестве организуется в тип «природного дурака». Бессмертие видится им сущностью наличествующего мироздания, естественным продолжением жизни после смерти, т. е. вписывается в модель традиционного религиозного миропонимания. *Жаждой / верой в бессмертие* мотивирована высокая частотность мотива *смерти-сна*. Как показал анализ текстов, именно две мотивные группы – *апокалипсис* и *бессмертие* – в их вариативной разработке оказались наиболее обширны во всем тезаурусе смерти ранней прозы Платонова, включая и народные были. В сравнении с ней, из зрелой прозы исчезает то волевое и во многом агрессивное начало, которое слышится в «Жажде нищего (видения истории)» (1920), «Поэме мысли» (1920–1921), «В звездной пустыне», «Невозможном» (1921), «Сатане мысли» (1921). Более того, в таких произведениях конца 1920-х – 1930-х гг., как «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море», происходит резкая смена семантического вектора: начальная стадия рождения нового мира тут же оборачивается его концом. Но, как ни парадоксально, поэтика финалов главных произведений Платонова, при кажущейся полной обреченности изображаемого мира, в подтексте содержит интенции к возрождению, что превращает их в тексты-мистерии (см.: [Проскурина, 2001]). В ранней прозе эта тенденция лишь намечается.

В этот же период оформляется одна из главных тем творчества писателя – тема познания истины. Его герои активно стремятся к абсолютному знанию, которое откроет им способ достижения гармоничного мироустройства: «Мир можно полюбить, когда он станет человечеством, истиной» (кн. 1, с. 170), – рассуждает герой «Жажды нищего». Вместе с тем обратной стороной достигнутой цели оказывается энтропия, синонимичная смерти, как в той же «Жажде нищего»: «Я снова очнулся Пережитком в глубокой сияющей точке совершенного сознания... Теперь ничего нет: Большой Один да я. Моя погибель близка, и тогда сознание успокоится, и станет так, как будто его нет, один пустой колодец в бездну» (кн. 1, с. 170), – или в «Приключениях Баклажанова» (1922): «Епишка... умер от собственного спокойствия: ведь все доконал, до всего дознался» (кн. 1, с. 208). Любопытно, что автор именует своего героя «последним мошенником и стервецом». За такими парадоксами, на наш взгляд, кроется авторская мысль о преждевременном вторжении героев в табуированное пространство сферы познания. В этих и других примерах подобного рода можно усмотреть зарождение «плавающей точки зрения» (Е. Толстая-Сегал), в дальнейшем ставшей одним из основных принципов повествовательной поэтики Платонова.

Своеобразное мотивное наполнение получает в ранней платоновской прозе архетипический сюжет «любовь и смерть», где особое место занимает ситуация перерождения любви в ненависть, причем, не к предмету любви, а к миру, в котором герою невозможно реализовать собственные чувства. Так, после смерти возлюбленной Вогулов, герой рассказа «Сатана мысли», переплавляет собственную горячую к ней любовь в столь же неистовую ненависть, направленную на несовершенный мир, чтобы «восстать» на него и, победив смерть, сделать гармоничным «домом человечеству»; безмянный герой «Невозможного» умирает от невозможности найти выход своей «ураганной, пламенной» любви. Понятие «невозможное» дефинирует в платоновских текстах то, что в пределах наличествующего бытия нельзя реализовать ни в поступке, ни в слове; по мысли молодого писателя, эквивалентом такому состоянию может быть только смерть. С другой стороны, персонажи «Жажды нищего» – жители будущего «века познания» умерщвляют всех женщин новой земли как древних пережитков, чтобы они не «обессиливали» мысль новых людей – ученых и инженеров – «чувством». Здесь чуть ли не впер-

вые под пером Платонова возникает одна из главных тем его творчества, связанная с отношением полов в социалистическом обществе, – его собственный «проклятый вопрос», становящийся камнем преткновения в выработке писателем концепции цельной природы нового человечества.

Отношение к миру как несовершенному устройству, часто именуемому «мертвым миром», и к человеку как части несовершенного мира делает смерть в понимании платоновского героя обыденным и малозначимым явлением. Это касается и сюжетного мотива *смерти ребенка*, который еще не приобрел того семантического наполнения, связанного с несправедностью демиургического деяния героев-преобразователей, что превращает данный мотив в патентованный художественный прием в зрелом творчестве Платонова. В ранней прозе названный мотив достаточно редок. В одном случае это *смерть ребенка «от живота»*, в подтексте которой прочитывается смысл бедного голодного существования (рассказы «Приключения Баклажанова (Бесконечная повесть)» и «Бучило. 1. О ранней поре и возмужалости») (1922, 1924), где повторена ситуация смерти «от живота». В другом – *смерть от голода* («Рассказ о многих интересных вещах»). Еще один случай – *смерть ребенка при пожаре*, произошедшая по недосмотру за домом, в результате чего погибает также и герой, бросившийся спасать дом и свою маленькую дочь («Чульдик и Епишка», 1920). Во всех случаях детская смерть обозначается как бы мимоходом, как проходной эпизод. В ней нет еще осложненности мотивным комплексом *матери, утробы, «обратного рождения», сиротства*, складывающимся во второй половине 1920-х гг. Пока еще это единичные случаи, не объединенные в семантическую группу.

Таким образом, в произведениях начала 1920-х гг. *смерть ребенка* предстает чисто бытовым явлением, мало отличающимся от *смерти животных*, также гибнущих в силу естественных причин (смерть собаки в рассказах «Бучило», повторенная в «Приключениях Баклажанова»; смерть мошек в рассказах «Сергея и я» (1920); «Тютень, Витютень и Протегален» (1922)) либо по халатности хозяина. Так, в рассказе «Данилок» (1922) нерадивый хозяин утопил только что купленную лошадь; в рассказе «Бучило. 2. Странствие» эта ситуация повторена. Сам прием повтора, к которому не раз обращается Платонов в ранних рассказах, свидетельствует о них как о художественных пробах молодого автора, еще не набравшего достаточного жизненного и писательского опыта. В произведениях конца 1920-х – 1930-х гг. этот прием из абсолютного тождества превращается в варьирование сюжетной ситуации, переходя в плоскость сознательного художественного автодиалога. Хотя уже в раннем рассказе «Странники» (1920) повтор ситуации смерти собаки как естественного события: «Он знал, что собакидохнут и их бросают в канаву» (кн. 1, с. 161), – осложнен мотивом недолжного отношения: «Так было нельзя» (кн. 1, с. 161), – что порождает задумчивость в сознании маленького героя, его жажду «другой земли», наделенной счастьем и бессмертием³.

В подобных ситуациях зарождается представление о смерти платоновского героя как о промежуточном состоянии, предполагающем новое рождение в разных вариантах: *рождение в ином мире*, как в рассказе «Странники», но чаще всего в варианте *рождения нового человечества, новой нации* («Родоначальники нации, или беспокойные происшествия» (1923, 1927), «Жажда нищего», «Рассказ о многих интересных вещах» и др.). Этим можно объяснить практически полное отсутствие *страха смерти* у героев ранней прозы Платонова. Исключение составляет страх смерти у ребенка, причем, не собственной, а *смерти матери* в его отсутст-

---

³ Справедливости ради следует отметить, что и халатность героев раннего Платонова порой происходит от их задумчивости, тоски по идеалу, как например, у Епишки, забывшем за своими думами «неведомо о чем» о доме, родной дочери (рассказ «Чульдик и Епишка»).

вие («Бучило 1. О ранней поре и возмужалости»). Но это достаточно редкий случай, который будет развит в детских рассказах второй половины 1930-х гг., в частности таких, как «Корова», «Еще мама», где маленьким героям автор передает свой собственный, «взрослый» уже страх перед суровой реальностью, подогреваемый страхом за судьбу семьи, прежде всего сына Платона, арестованного в 1938 г. (см.: [Хрящева, 2014]).

К мотиву *обыденности, будничности смерти* примыкает мотив *исчезновения*. Исчезновение окружающих героя персонажей – проходное явление в сюжете ранних рассказов Платонова, таких как «Бучило», «Рассказ о многих интересных вещах». Семантика обыденности смерти сохранится и в платоновской прозе второй половины 1920-х – 1930-х гг., как и семантика *смерти – переходного состояния к новому качеству жизни*. Но вместе с тем из нее исчезает модальность мгновенного перехода от смерти к воскресению: и маленькой Насте в «Котловане», и юной Айне в «Ювенильном море» предстоит провести долгое время неизвестности в своих могилах, обустраиваемых героями-гробокопателями как хранилища. Эта перемена знаменует утрату веры Платоновым в достижение совершенства мира в обозримом будущем. Но в то же время возникает и набирает все большую значимость мотив не переделки человека и мира, а их сбережения (мотивы *сбережения «ветхих» вещей, земного праха* в «Котловане», «Счастливой Москве» и других произведениях конца 1920-х – 1930-х гг.).

Единственный раз в рассказе «Чульдик и Епишка» встречается образ кладбища – в варианте *разоренного кладбища*. В дальнейшем он будет осложнен мотивами *беседы с мертвыми* (например, в пьесе «Голос отца»), *любви на могиле* («Чевенгур»), *погребения в могиле – временном хранилище* («Котлован», «Ювенильное море»), связанными с архетипической ситуацией смерти-воскресенья.

В целом можно сказать, что вся сюжетика смерти в ранней прозе Платонова рождена идеей поврежденности мира, библейской в своей основе, и горячей жаждой – как автора, так и героев – его рукотворного исправления. Эта идея становится источником мотива *мертвенности мира и природы*, а также мотива *мертвенности человека*, варьирующего гоголевскую тему «мертвых душ» в платоновских текстах, и не только ранних⁴. Можно заключить, что из библейской максимы, как из горчичного зерна, прорастает древо платоновского смертного сюжетно-мотивного комплекса во множестве вариаций и трансформаций, семантическая сложность которых многократно возрастает в процессе творчества.

Тезаурус смерти ранней прозы А. Платонова

Апокалипсис

а) *предчувствие апокалипсиса*

«Немые тайны морских глубин» (1923)

б) *природный катаклизм как свершившийся апокалипсис*

«Потомки солнца» (1922): вселенская катастрофа – «учитель и вождь человечества»; «Рассказ о многих интересных вещах» (1923): местный апокалипсис – потоп; «Родоначальники нации или беспокойные происшествия» (1923)

в) *смерть – личный апокалипсис*

«Бучило. 3. Смертоубийство» (1922, 1924); «История иерея Прокопия Жабрина» (1923)

---

⁴ Наиболее отчетливо мотив мертвого человека в мертвом мире звучит в платоновской публицистике начала 1920-х гг.: «Мы взорвем эту яму для трупов – вселенную, осколками содранных цепей уьем слепого, дохлого хозяина ее – бога и обрубками искривленных рук своих построим то, что строим, что начинаем только строить теперь...» (кн. 2, с. 12).

г) *ожидание светопрествления как конца нечестивой жизни / кануна идеального бытия*

«Апалитыч» (1920); «Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

д) *восстание на вселенную – рождение нового идеального мира / дома человечеству*

«Жажда нищего (видения истории)» (1920); «Ерик» (1921); «Поэма мысли» (1920–1921); «В звездной пустыне» (1921); «Невозможное» (1921); «Сатана мысли» (1921); «Потомки солнца» (1922); «Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

е) *уничтожение «ветхого» человечества / нации*

«Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

еа) *смерть «усталого» земного шара*

«Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

ж) *апокалипсис в раю*

«Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

Жажда невозможного, находящегося за пределами земной жизни

«Странники» (1920): видения райской земли во сне; «Сатана мысли» (1921); «Невозможное» (1921), «Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

Исчезновение

«Бучило. 3. Смертоубийство» (1922, 1924); «Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

а) *исчезновение – не смерть, а вечный путь*

«Невозможное» (1921)

Кладбище разоренное

«Чульдик и Епишка» (1920)

Любовь и смерть

а) *смерть героя от невозможности идеальной любви в неидеальном мире*

«Невозможное» (1921)

б) *смерть возлюбленной – причина «восстания» героя на несовершенный мир*

«Сатана мысли» (1921)

в) *новый мир – стерильное пространство умерщвленного чувства*

«Потомки солнца» (1922)

ва) *жертвоприношение женщин как «древних пережитков» – обладателей чувств – ради торжества «царства разума»*

«Жажда нищего (видения истории)» (1920) (см.: «Бессмертие / смерть-воскресение», 2)

г) *любовь к умершим*

«Маркун» (1920) (мотив: вариант любви к дальнему)

Мертвая природа / мертвый мир

«Невозможное» (1921); «Сатана мысли» (1921); «В звездной пустыне» (1921); «Бучило. 3. Смертоубийство» (1922, 1924): мертвый месяц, мертвые поля; «Рассказ о многих интересных вещах» (1923): мертвая туча, мертвая гарь

а) *смерть природы – жертва прогрессу*

«Жажда нищего (видения истории)» (1920)

б) *мертвый мир, ждущий либо воскресения, либо катастрофы* (см.: «Апокалипсис», 4)

«В звездной пустыне» (1921)

в) *мертвая «вторая природа»*

«Немые тайны морских глубин» (1923): мертвый кухонный инвентарь; «Бучило» (1922, 1924): мертвый продукт.

Мертвые души

а) *современное человечество – трупы-автоматы*

«Невозможное» (1921)

б) *сознательное умерщвление души / сердца ради победы над «старым миром»*

(см: «Апокалипсис», д)

«Сатана мысли» (1921); «Потомки солнца» (1922)

Сиротство

«Бучило» 3. Смертоубийство» (1922; 1924)

Смерть-воскресение / бессмертие

а) *вера в бессмертие / чувство бессмертия*

«Апалитыч» (1920); «Тютень, Витютень и Протегален» (1922)

б) *жажда бессмертия*

«Жажда нищего (видения истории)» (1920); «В звездной пустыне» (1921);

«Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

ба) *бессмертие – итог пересотворения мира / плод работы нового человечества*

«Сатана мысли» (1921); «Невозможное» (1921); «Потомки солнца» (1922);

«Приключения Баклажанова (Бесконечная повесть)» (1922)

бб) *научные эксперименты с бессмертием*

«Рассказ о многих интересных вещах» (1923): смерть – действие микробов, бессмертие – стерилизация атмосферы электричеством

в) *смерть-воскресение вещества – основы мира*

«Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

г) *царство бессмертия принадлежит «малым сим»*

«Тютень, Витютень и Протегален» (1922)

д) *смертность женщин и бессмертие мужчин в новом веке*

«Жажда нищего (видения истории)» (1920)

е) *Агасфер*

«Невозможное» (1921): мотив

Вариант: *смерть – высшее мгновение, вспышка жизни*

«Сатана мысли» (1921)

Смерть героическая: восторг смерти в последней схватке с миром

«Жажда нищего» (1920); «В звездной пустыне» (1921); «Невозможное» (1921)

Смерть животных, «малых сих»

а) *смерть собаки*

«Странники» (1920); «Приключения Баклажанова (Бесконечная повесть)» (1922); «Бучило. 1. О ранней поре и возмужалости» (1922, 1924)

б) *смерть лошади*

«Данилок» (1922): нерадивый хозяин утопил только что купленную лошадь); «Бучило. 2. Странствие» (1922, 1924) (повтор)

в) *смерть мошек*

«Сергея и я» (1920); «Тютень, Витютень и Протегален» (1922): мотив

Смерть за веру

«Волы» (1920): старики призывают молодежь отстоять святую веру и «божий народ», но новое поколение «не чует креста» и не готово умирать за него

Смерть / энтропия – итог абсолютного знания

«Жажда нищего (Видения истории)» (1920); («Приключения Баклажанова (Бесконечная повесть)» (1922)

Смерть – обыденность, малозначимое явление

«Память» (1922); «Поэма мысли» (1920–1921)

а) *существование смерти / близость смерти увеличивает ценность жизни*

«Жажда нищего (видения истории)» (1920)

б) *рождение человека, несмотря на обреченность на смерть*

«Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

Инверсия: **Смерть – редкое, случайное явление**

«Жажда нищего (Видения истории)» (1920)

Смерть от голода, засухи (см.: «Смерть ребенка», в)

«Бучило. 3. Смертоубийство» (1922, 1924); «Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

Смерть – признак несовершенства существующего мира

«Жажда нищего (Видения истории)» (1920); «Сатана мысли» (1921); «Тютень, Витютень и Протегален» (1922); «Приключения Баклажанова (Бесконечная повесть)» (1922); «Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

Смерть – путь в рай, к Богу / уход на конец света

«Апалитыч» (1920); «Странники» (1920)

Инверсия: **Смерть в раю**

«Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

Смерть ребенка

а) *смерть от болезни*

«Приключения Баклажанова (Бесконечная повесть)» (1922): смерть «от живота»; «Бучило. 1. О ранней поре и возмужалости» (1922, 1924) (повтор)

б) *смерть в пожаре*

«Чульдик и Епишка» (1920): смерть Епишки и его маленькой дочери от недосмотра героя за домом

в) *голодная смерть*

«Родоначальники нации или беспокойные происшествия» (1923, 1927)

Смерть, техногенная катастрофа – цена прогресса (см.: «Апокалипсис, д; е)

«Сатана мысли» (1921)

а) *смерть от несчастного случая на заводе*

«Очередной» (1918)

Смерть / убийство во время гражданской войны / смуты

«Волы» (1920); «Бучило 3. Смертоубийство» (1922; 1924): убийство Ханночки

Сон-смерть

«Маркун» (1920); «Апалитыч» (1920); «В звездной пустыне» (1921); «Память» (1922); «Рассказ о многих интересных вещах» (1923); «Бучило» (1922, 1924);

а) *предсмертный сон*

«Память» (1922): сладость предсмертного сна (мотив)

б) *видение героем своей смерти во сне*

«Иван Митрич» (1921)

Инверсия: **Жизнь есть сон**

«В звездной пустыне» (1921)

Страх смерти

а) *детский страх смерти матери / сиротства*

«Бучило 1. О ранней поре и возмужалости» (1922, 1924)

Страшная смерть

«История иерея Прокопия Жабрина» (1923)

Убийства (см.: «Смерть – обыденность, малозначимое явление»)

а) *умерщвление женщин в новом мире как древних пережитков*

«Жажда нищего (видения истории)» (1920) (см.: «Смерть-воскресение / бессмертие, 2; «Любовь и смерть», ва)

б) *возможность убийства за пустяковую обиду, воспринятую как смертельное оскорбление*

«Тютень, Витютень и Протегален» (1922)

в) *зверское убийство / пытка*

«Бучило. 3. Смертоубийство» (1922; 1924): зверское убийство казаками еврейки Ханночки (см.: «Смерть / убийство во время гражданской войны / смуты»)

в) *бессмысленное убийство «малых сих»*

«Тютень, Витютень и Протегален» (1922): убийство героем курицы, потому что «скорбь на земле разводит»

Философская смерть: от отсутствия смысла жизни

«Рассказ о многих интересных вещах» (1923)

Список литературы

Баршт К. Энергетический принцип Андрея Платонова. Публицистика 1920-х гг. и повесть «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества: Материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. П. Платонова. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2000. Вып. 4. С. 253–261.

Бицилли П. Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. Париж, 1928. № 36.

Ведрухин С. Заметки о прозе А. Платонова // Russian Literature. V. LXXIII. 2013. P. 163–208.

Капинос Е. В. Тезаурус смерти в творчестве Бунина // Капинос Е. В. Малые формы поэзии и прозы (Бунин и другие). Новосибирск: ООО «Открытый квадрат», 2012. С. 115–145.

Капинос Е. В., Проскурина Е. Н. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / Под ред. Е. К. Ромодановской. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 2. 242 с.

Касаткина Е. «Прекращение вечности времени», или Страшный Суд в котловане (Апокалиптическая тема в повести «Котлован») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества: Материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения А. П. Платонова. М.: Наследие, 1995. Вып. 2. С. 181–190.

Кулагина А. Тема смерти в фольклоре и прозе А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества: Материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. П. Платонова. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2000. Вып. 4. С. 345–357.

Ларокка Дж. Смерть и бессмертие в пьесах «14 Красных избушек» и «Голос отца» (О судьбе проекта Н. Федорова в творчестве А. Платонова 1930–1940 гг.) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества: Материалы VII Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения А. П. Платонова. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2011. Вып. 7. С. 117–122.

Пастушенко Ю. Поэтика смерти в повести «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества: Материалы II Междунар. науч. конф.,

посвящ. 95-летию со дня рождения А. П. Платонова. М.: Наследие, 1995. Вып. 2. С. 191–197.

Платонов А. П. Сочинения. Научное издание. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1, кн. 1. 644 с.; Т. 1, кн. 2. 510 с.

Проскурина Е. Н. Поэтика мистериальности в прозе Андрея Платонова конца 20-х – 30-х годов (на материале повести «Котлован»). Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2001. 258 с.

Проскурина Е. Grimасы смерти у Платонова («Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества: Материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 105-летию со дня рождения А. П. Платонова. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6. С. 137–142.

Проскурина Е. Н. Некоторые наблюдения над поэтикой смерти у А. Платонова (*Чевенгур, Котлован, Ювенильное море*) // *Slavia orientalis. Rocznik LV. Kraków*, 2006. № 4. С. 529–541.

Проскурина Е. Н. Танатологический сюжетно-мотивный комплекс в романной прозе Г. Газданова // Критика и семиотика. 2013. № 2 (19). С. 197–219.

Пушкин А. С. Моцарт и Сальери // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 5. С. 306–315.

Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / Под ред. Е. К. Ромодановской. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. Вып. 1. 241 с.

Хрящева Н. П. Топосы детства и прием «вербальной иконы» в поэтике детских рассказов А. П. Платонова 1920 – 1930-х годов // Детские чтения. Екатеринбург – Санкт-Петербург – Bloomington (USA). 2014. № 1 (005). С. 151–170.

E. N. Proskurina, A. B. Borisova

The thanatology of A. Platonov's early prose

The paper is devoted to the identification and analysis of the mortal, plot and motive complex in Platonov's early prose. High frequency of «death» situations in the works of the writer is noted by many researchers. However, almost all works on this problem are related to his works of the second half of the 1920s–1930s where the thematic space of death was already formed. The symbolism of many repeating plot situations (a child's death; destruction of a class enemy), motifs (orphanage; constructional victim; spiritual death-revival; apocalypse), images (house-grave, «old» world / substance and other) was defined in the same time. Analysis of death in works of Platonov's early prose researchers is usually missed. However, it represents sufficient scientific interest – concerning continuity and difference, both thematic and semantic. In this paper we will try to show sources from which Platonov's thanatology grows, and to mark difference in perception of death by creative consciousness of the writer in early and late periods at the same time.

Keywords: early prose of A. Platonov, motif, plots of death, thesaurus of death.